

Лю Лимэй

(Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; l.lyu@spbu.ru)

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ КИТАЙСКИХ СЮЖЕТОВ В ЯПОНСКИХ «РАССКАЗАХ ИЗ ТОНО»

Аннотация: Книга «Рассказы из Тоно» («Тоно моногатари»), опубликованная в 43-м году правления под девизом Мэйдзи (1910), — новаторское и ставшее классическим произведение основоположника японской фольклористики нового времени Янагиты Кунио. Эта работа стала исходной точкой для создания им национальной японской этнологии, которой гордятся японцы, — «этнологии одной страны». В японских академических кругах «Рассказы из Тоно» всегда считались записью историй, передававшихся из уст в уста среди местных жителей в районе Тоно на северо-востоке Японии. Даже Чжоу Цзожэнь, впервые познакомившийся с этой книгой в Японии, также видел в ней исследование чисто японского деревенского фольклора. В данной статье на основе анализа текста «Рассказов из Тоно» исследуется связь использованного в нем письменного стиля *камбун* с китайской культурой, предлагается ключ к пониманию китайского культурного влияния. Проанализирована связь литературного стиля «Рассказов из Тоно» с образованием в сфере китайской словесности, полученным автором этого произведения. Исходя из этого, прослеживаются источники некоторых сюжетов, приведенных в «Рассказах из Тоно», проводится анализ пути попадания этих сюжетов из Китая в Японию, процесса их распространения, а также их трансформации после вхождения в японские народные сказания. Обнаружение источников сюжетов «Рассказов из Тоно» в различных слоях китайской культуры позволяет опровергнуть существующее в научных кругах мнение о том, что это произведение следует рассматривать исключительно как сборник японского устного народного творчества.

Ключевые слова: китаеведение, фольклористика, устное творчество, сказания, народные обычаи.

Liu Limei

(St. Petersburg State University, Russia; l.lyu@spbu.ru)

THE RESEARCH ON THE SOURCES OF CHINESE MATERIALS IN JAPANESE THE LEGENDS OF TONO

Abstract: *Tono Monogatari*, published in 1910, is the pioneering and classic work of Yanagida Kunio, the father of modern Japanese folklore. Using *Tono Monogatari* as the starting point, Yanagida himself created the Japanese folklore, which the Japanese are proud of. Japanese academic circles have always regarded *Tono Monogatari* as a record of the local folk in Tono, Northeast Japan. Even Zhou Zuoren, who first got acquainted with this book in Japan, regarded it as a work of purely Japanese local studies. This article first starts with the text of *Tono Monogatari*, examines the relationship between its “Chinese style” and Chinese culture, and points out the Chinese cultural influence. On this basis the author traced the source of certain stories in *Tono Monogatari*, analyzed the way and process of these Chinese materials spread to Japan, and the changes that occurred after they were incorporated into Japanese folklore. By finding out that *Tono Story* has derived from many aspects of Chinese culture, it refutes the academic view that *Tono Story* is a pure Japanese folk heritage.

Keywords: Chinese culture, folklore, oral tradition, legend, folk custom.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

ВВЕДЕНИЕ

Объект данного исследования — репрезентативная работа знаменитого японского фольклориста и литературоведа Янагиты Кунио (1875–1962), прославившая его имя, — «Рассказы из Тоно».

Янагита Кунио родился в 1875 г. в Японии, в регионе Кансай, в 12 лет переехал на учебу в Токио. Уже во время учебы он начал публиковать свои стихи. По службе ему часто приходилось покидать Токио, отправляясь с обследованиями в другие города и деревни. Эти поездки пробудили в Янагите Кунио интерес к условиям и обычаям, быту и нравам, верованиям, сказаниям разных мест, он начал собирать, записывать и упорядочивать эту информацию. В 1910 г. Янагита опубликовал сборник народных преданий, собранных и записанных в деревне Тоно на северо-востоке страны, — «Рассказы из Тоно». После Второй мировой войны Янагита Кунио получил признание в качестве первопроходца и основоположника японской фольклористики нового и новейшего времени [1, с. 11], а «Рассказы из Тоно» приобрели статус классической работы в области японского фольклора.

Японские ученые неизменно считали «Рассказы из Тоно» записью народных преданий, передававшихся изустно в районе Тоно, и никто не задавался вопросом об их связи с китайской культурой. То же можно сказать и о китайских ученых. В 1910 г. один из экземпляров только что опубликованных «Рассказов из Тоно» приобрел Чжоу Цзожэнь, обучавшийся в то время в Токио. В 1931 г. он частично перевел эту книгу на китайский язык. Характеризуя фольклорные изыскания Янагиты Кунио, он отмечал «эрудицию в вопросах деревни», яркую выраженность «местного колорита», а себя называл «в конце концов, всего лишь дилетантом» [2, с. 11].

Чжун Цзинвэнь, которого называли «китайским Янагитой Кунио», во время учебы в Японии в 1930-е гг. отзывался о фольклорных исследованиях Янагиты так же, как и Чжоу Цзожэнь: он тоже отмечал глубину познаний в отношении собственно японского этноса и не замечал особой связи с Китаем.

При этом Чжоу Цзожэнь, видимо, ощущал присутствие в «Рассказах из Тоно» некоторых черт, характерных для древней китайской культуры. Свой перевод «Рассказов из Тоно» он снабдил таким комментарием: «Первый том “Рассказов из Тоно” насчитывает 119 частей, во всех исключительно детально описаны характер местности и время года, обычаи и верования, флора и фауна, особенно подробны рассказы о домовых, отшельниках, о чудесах, связанных с волками, лисами и обезьянами... Записи о прошлом в основном представлены историями об удивительном и о необыкновенных явлениях, большинство из них не претендует на достоверность, им не хватает научной ценности» [2, с. 505]. Эти слова демонстрируют ощущение некоторого сходства «Рассказов из Тоно» с китайскими старинными историями об удивительном и о необыкновенных явлениях, но Чжоу Цзожэнь еще не поднимает это ощущение до уровня научной проблемы, не ставит вопрос о возможной связи этой книги с китайской литературой.

Автор данной статьи использует комплексный метод, сочетая изучение письменных источников с полевыми исследованиями. Это позволяет прояснить

истоки стилистики, жанра и некоторых сюжетов «Рассказов из Тоно» и доказать, что это произведение вовсе не является чисто местным продуктом, часть материала для него заимствована из Китая.

ЧАСТЬ 1. ПИСЬМЕННЫЙ СТИЛЬ КАМБУН «РАССКАЗОВ ИЗ ТОНО» И ОБРАЗОВАНИЕ ЯНАГИТЫ КУНИО В ОБЛАСТИ КИТАЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

1.1. Письменный стиль камбун «Рассказов из Тоно»

В 1908 г. Янагита Кунио услышал от уроженца Тоно Сасаки Кидзэна предания его родной деревни и немедленно взялся за написание «Рассказов из Тоно». На следующий год рукопись была завершена. В предисловии он писал: «Хотя Кёсэки-кун и не является прекрасным рассказчиком, но человек [он] искренний и правдивый, я также не убавил и не прибавил ни фразы, ни знака, но всего лишь напрямую записал по наитию»¹.

Таким образом, книга «Рассказы из Тоно», которую считают записью японских устных народных преданий, появилась вовсе не в результате личной поездки Янагиты Кунио в Тоно и сбора рассказов на месте — она написана со слов Сасаки Кидзэна. Предания, передаваемые из уст в уста, при каждом воспроизведении могут меняться в зависимости от личностей рассказчика и слушателя, а также от конкретных обстоятельств рассказа. Как показывают наблюдения автора в деревне Тоно, такое положение дел сохранилось без изменений вплоть до настоящего времени². Предания, распространявшиеся в данной местности, в основном излагались разговорным языком, и к тому же с примесью местного диалекта.

Избранный Янагитой Кунио метод записи — не «прямая запись услышанного», а «прямая запись по наитию». Для записи исследователь использовал не местный диалект Тоно и не единый устный и письменный язык *кокуго*, утверждённый к тому времени в качестве «национального», а классический язык *камбун*.

Весьма заметной особенностью языка «Рассказов из Тоно» является обилие лексики, записанной китайскими иероглифами (*кандзи*). Некоторые слова, использованные Янагитой, уже в то время считались редкими, поэтому для удоб-

¹ Автор использовал перевод Чжоу Цзожэня. Чжоу Цзожэнь в 1931 г. перевел «Предисловие» и пять рассказов (49, 50, 51, 52, 109). Впервые они были опубликованы в ежегоднике «Бэй синь» за 1934 г. Вошли в состав сборника «Копии для ночного чтения» («Е ду чао»).

² Автору статьи приходилось слушать пожилых рассказчиков, которые в «зале для рассказчиков *моногатари*» (похожем на китайские залы для выступлений рассказчиков) перед станцией в Тоно излагают местные предания на диалекте Тоно. Обычно эти рассказы не имеют постоянного варианта — рассказчик развивает их на месте по памяти. Перед станцией снуют прохожие, прибывшие из разных мест, и рассказчик меняет приемы повествования, ориентируясь на тех, кто остановился и слушает его в данный момент.

ства чтения были снабжены записью знаками японской слоговой азбуки *кана*. Несмотря на это, обычный читатель все же мог встретиться с трудностями при чтении. Поэтому после Второй мировой войны издатели вынуждены были еще более упростить эти трудные для понимания *кандзи*. В 1992 г. уроженец района Тоно Сато Сэйю перевел «Рассказы из Тоно» на разговорный язык [3], и уже к 2000 г. этот вариант выдержал 11 изданий. Сравнение изданий на *камбуне* на разговорном языке показывает, что в процессе переделки было уменьшено количество слов, записанных *кандзи*.

1-е издание «Иванами сётэн»: 我々はより多くを聞かんことを切望す……願わくこれを語りて平地人を戦慄せしめよ。この書のごときは陳勝呉広のみ。

1-е издание на разговорном языке: 私たちはそれらの物語を、もっと数多く聞きたいと心から願うものです……どうか、そのような伝説をどんどん語って、都会人を心底からこわがらせ、目覚めさせてください。この「遠野物語」などは、それらからみたら、ほんのさきがけにすぎないのですか

2-е издание «Иванами сётэн»: 山奥には珍しき繁華の地なり

2-е издание на разговорном языке: 山奥には珍しくにぎやかな町です

Использование лексики на *камбуне* фактически затрагивает и стилистический аспект. Например, в издании серии «Иванами сётэн» упоминаются Чэнь Шэн и У Гуан — отсылка к истории восстания Чэнь Шэна и У Гуана конца правления в Китае династии Цинь используется для передачи переносного значения «идти впереди и вести за собой других». А в издании на разговорном языке выражение со ссылкой на этот классический сюжет отброшено, переведен лишь смысл — «это было только начало».

Стоит отметить, что если в новых послевоенных изданиях «Рассказов из Тоно» количество лексики *камбуна* непрерывно сокращалось, то Янагита Кунио в процессе работы над этой книгой — от первой записи до последней письменной фиксации — напротив, постоянно добавлял в текст подобную лексику.

Известны три первоначальных варианта «Рассказов из Тоно»: «рукопись, написанная кистью» Янагитой Кунио со слов Сасаки Кидзэна; «рукопись, написанная пером» после поездки Янагиты Кунио в Тоно в 42-м году правления под девизом Мэйдзи (1909); «откорректированный оригинал» первого издания 43-го года правления под девизом Мэйдзи (1910). Сравнение «рукописи, написанной кистью» с первым изданием позволяет обнаружить тенденцию к расширению использования письменного языка *камбун* в процессе корректировки первоначальной рукописи.

Рукопись, написанная кистью: ありあなやと思ふ間もなく二人が坐れる炉のわき「を」通り行くとして裾にて炭取にさはり[「丸き」炭取なれば]くるくるとまはりたり

Первое издание: あなやと思ふ間も無く二人が坐れる炉の脇を通り行くとして、裾にて炭取にさはりしに、丸き炭取なればくるくるとまはりたり

Приведенные выше фразы демонстрируют, что два записанных *хираганой* слова *なく* и *わき* из рукописи, написанной кистью, заменены в первом печатном издании на более сложную китайскую лексику — слова *無く* и *脇*.

1.2. Семья знатоков китайской словесности и образование Янагиты Кунио в области китайской культуры

Почему же Янагита питал такое пристрастие к языку *камбун*? Обратимся к полученному им образованию в области китайской словесности.

В период Эдо процесс заимствования китайской письменности и культуры в Японии достиг своей кульминации. Однако начиная с реставрации Мэйдзи, произошедшей в 1868 г., все сильнее становилось преклонение перед западной цивилизацией, западная наука начала постепенно вытеснять китайскую. Победа Японии над цинским Китаем в войне 1894–1895 гг. нанесла еще один сильнейший удар по авторитету китайской культуры в глазах японцев.

Хотя Янагита Кунио рос в период, когда влияние китайской культуры в японском обществе ослабело, семейное окружение — члены его семьи отличались подлинной ученостью — позволило ему, тем не менее, уже в детские годы получить блестящее образование в области китайской письменности и литературы. Его дед со стороны отца, Накагава, был выдающимся знатоком китайской литературы, а бабушка со стороны отца, Кодзуру, не только прекрасно в ней разбиралась, но и открыла частную школу, где знакомила женщин с китайскими классическими произведениями. Отец исследователя также был довольно известным знатоком китайской литературы.

Когда Янагита Кунио был ребенком, в доме хранилась большая коллекция поэтических и прозаических произведений на китайском языке. Позднее, вспоминая домашнюю библиотеку, он упоминал такие книги: «Словарь Канси», «Антология танской поэзии», «Антология древней поэзии, составленная в Хариме», «Сборник китайских стихов — письма с юга», «Иллюстрированная антология танской поэзии».

В книге о своем детстве, написанной в возрасте 62 лет, Янагита не только вспоминает строфы прочитанных в детские годы танских стихов, но и подробно описывает рисунки отца, иллюстрировавшие эти строфы. В детские годы он вместе с домашними делал карты для игры «сто стихотворений ста поэтов» (*Хякунин иссю*), выбирая строфы из «Антологии танской поэзии». В 13 лет Янагита Кунио составил собственный сборник китайских стихов «Игры с палочкой-лошадкой». Впоследствии один из критиков с уверенностью утверждал: «Декламация поэтических произведений, создание китайских стихов в детские годы оказали определяющее влияние на развитие идей и литературного стиля Янагиты» [4, с. 3].

ЧАСТЬ 2.

СПЛЕТЕНИЕ РАССКАЗОВ ИЗ ТОНО И КИТАЙСКИХ ПРЕДАНИЙ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЮЖЕТА «КАППА ЗАТЯГИВАЕТ КОНЯ»

2.1. Истоки предания о том, как каппа затягивает коня

В частях 55–59 «Рассказов из Тono» приводятся пять историй о каппах. Каппы, как они описаны в этой книге, — необычайно уродливые антропоморфные монстры с красным лицом и большим ртом. Детей-капп время от времени производят на свет деревенские женщины. Испытывая отвращение к уродству кап-

пы, люди убивают его или бросают у дороги. Обычно каппы живут в воде, люди часто видят их следы на берегах рек, однако бывало, что жители деревни обнаруживали каппу в собственном дворе. Иногда каппа может устраивать проделки — затягивать в воду лошадь, которая пьет воду из реки.

Янагита в «Сборнике рассказов горного островного народа» указывал на источники распространенного по всей стране народного предания о том, как каппа затягивает лошадей. По его мнению, во-первых, история о том, что каппа затягивает лошадей, первоначально появилась в древних преданиях, а не пришла от крестьян данной местности. Во-вторых, прообразом этой истории является жертвоприношение духу воды, суть которого была впоследствии превратно истолкована неграмотными крестьянами, и оно превратилось в жертвоприношение каппе на берегу с просьбой о благословении рабочего скота. То есть каппа — это переродившийся дух воды.

В данной статье выдвигаются три вопроса к точке зрения Янагиты.

1. Считается ли каппа в данной местности существом, обладающим божественной природой?
2. Существовало ли в древней Японии предание о военачальнике, приносящем жертву духу воды в месте омовения коня?
3. Действительно ли крестьяне неосознанно превратно истолковали древнее предание, или был другой импульс для его трансформации?

Прежде всего, образ капп из рассказов всегда негативен и отражает отвращение людей к нему. Если разобраться в местной жизни и в истории Тоно, можно обнаружить два основных источника облика ребенка-каппы.

1. Зародыш с отклонениями в развитии или внебрачный ребенок.

Ивамото Ёситэру в работе «Каппы из Тоно» [5] указывает, что описание убийства людьми уродливого ребенка-каппы, возможно, связано с непреодолимым ужасом от вида ребенка с врожденными заболеваниями, которые отражаются во внешнем облике головы, лица или конечностей. В 55-м рассказе женщина, родившая ребенка-каппу, замужем, а эпизод тайного свидания с каппой, возможно, намекает на внебрачную связь. Описываемая семья Кавабата в деревне считается состоятельной и пользуется авторитетом, поэтому убийство рожденного вне брака ребенка выглядит логичным.

2. Ребенок, оставленный родителями в голодный год.

В истории Тоно было множество неурожайных лет. За 260 лет правления сёгуната Токугава эти места сталкивались с неурожаем и голодом 28 раз, т. е. в среднем чаще, чем раз в три года. Во время голода многие погибали, и в источниках содержится целый ряд сведений об утоплении детей в реке или каннибализме. В «Записях о деяниях древности в Тоно» («Тоно Кодзики») есть упоминание о том, что «мать съела ребенка». Ивамото Ёситэру также полагал, что «велика вероятность того, что истории о детях-каппах появились для обоснования оставления людьми детей».

Как было сказано выше, облик каппы связан со впечатлением от мертвого ребенка и не демонстрирует связи с божеством. Имеющий отношение к каппе «дух реки» не является объектом жертвоприношений в Тоно, а лошадь не используется в качестве жертвы. Ценность лошади как основного вида сельскохозяйственного скота в деревне Тоно чрезвычайно высока. Префектура Иватэ занимает в Японии ведущее место по коневодству, а про район Тоно говорят, что там «на рынке бывает по три тысячи лошадей». Жители района возвели специальный синтоистский храм, где молятся о благополучии лошадей. Вплоть до настоящего времени ежегодно весной в городе Мориока и в деревне Такицзава проводят праздник «Оманто мацури», на котором специально благодарят лошадей за труды и усердие в обработке земли.

Кроме того, следует выяснить, существовало ли в Японии в древности предание о том, что военачальник приносит жертву духу воды в месте мытья коня.

В деревне Цутибути в районе Тоно действительно есть место, которое называется «поток омовения ног», и, согласно преданиям, военачальник Абэ-но Садато, собираясь в поход на клан Минамото, в этом месте мыл своего любимого коня. Однако крестьяне водят лошадей к воде по другой, чисто практической, причине. В «Рассказах из Тоно» «омут старухи», да и другие «омуты капп» из местных преданий, расположены недалеко от жилья, это места, где летом люди купают коней. Лошади целый день работают в поле, и вечером их водят к реке, чтобы слегка понизить температуру тела после жаркого дня. Так повелось в этих местах издавна.

Можно обратиться к еще более давним японским историческим источникам. Так, Гото Соитаро в «Комментариях к рассказам из Тоно» пишет: «В “Сёку нихонги” есть записи о принесении лошади в дар духу воды, однако не встречается записей, где бы ясно указывалось, что лошадь выступает в качестве жертвы. На месте развалин Ооябу в Киото в первой половине VIII в., возможно, находился алтарь для жертвоприношений в ходе раскопок там, в частности, было обнаружено круглое сиденье жреца, приносившего жертвы, и кости лошадей. Археологические данные показывают, что позднее произошла трансформация этого обычая, и лошадей стали изготавливать из земли, камня или дерева, а также рисовать на бумаге» [6, с. 189]. Таким образом, отношения между лошадьми и духом воды рассматривались, видимо, с позиций здравого смысла, а фантастический колорит, неизбежно присутствующий в легендах, нигде не заметен.

2.2. Влияние китайских историй о «коне-драконе»

Японский ученый Исида Эйитиро отмечает, что в Китае с древности распространялись предания о коне и духе воды. В работе «Конь и дух воды» он приводит легенды о потомстве, рожденном от союза небесного коня и дракона, водяного духа-дракона и лошади. Он обращает внимание на то, что сюжет о появлении лошади из воды распространился из западных и северо-западных районов Китая вплоть до Средней Азии. Кроме того, в «Биографии Чжао Е», приве-

денной в «Анналах царств У и Юэ», обнаруживается запись, в точности похожая на упомянутую Янагитой историю о военачальнике, приносящем жертву духу реки в месте омовения коня. В работе «Сравнительное этнологическое исследование преданий о лошадях» Р. Ходжикян, помещая японские рассказы о каппах в генеалогическую линию восточноазиатских преданий о коне-драконе, указывает: «В Китае с древности существовали легенды о лошадях, а также верования, ядром которых был дракон, поэтому японские народные предания о каппах, весьма возможно, являются продуктом слияния распространившихся из Китая легенд о коне-драконе с местными преданиями о лошадях» [7, с. 41].

Исида, исследуя сюжет «каппа затягивает коня», указывает на несомненное сходство китайских преданий о конях и духах воды с японской легендой о затягивании коня каппами в общем контексте идей культа дракона — точнее, японские народные предания заимствуют идеи «поклонения драконьему роду». Распространенные в районе Тоно рассказы о каппах в основном связаны с бесчеловечными убийствами новорожденных детей, и помещение подобных историй в контекст «поклонения драконьему роду», несомненно, выступало в качестве «болеутоляющего средства» для рассказчика и участников событий. Если первоначально стержнем рассказов о каппах было представление о «злом роке», то позже наметился поворот к идее «благих деяний», улучшающих карму. Ключевую роль в этой трансформации, без сомнения, сыграли народные рассказы Тоно в обработке Янагиты Кунио и данные им разъяснения. Он не только ввел сюжеты с духом воды в истории о каппах в «Сборнике рассказов горного островного народа», но и впервые ясно указал (в рассказе «Каппа затягивает лошадь») что «каппа представляет собой водяную обезьяну». Каппы впервые были отделены от человеческого вида, причислены к другой породе, что подготавливало условия для их дальнейшего превращения из «чудовищ» в «духов».

Распространявшиеся в народной среде истории о каппах постепенно перерабатывались, усваивая идеи о принадлежности последних к миру духов. В результате образ капп, которые ранее рассматривались как носители исключительно злого начала, становился все более многогранным, приобретал как отрицательные, так и положительные черты, что, в свою очередь, инициировало переосмысление людьми собственной жизни.

Так, в 55-й части рассказывается история убийства ребенка-каппы, произошедшая в семье Кавабата в деревне Мацудзаки. Конкретное имя человека, о котором идет речь, Янагита Кунио намеренно скрыл, обозначив его в конце рассказа японским аналогом выражения «господин N». Это показывает, что подобные истории в то время считались безнравственными, их старались не разглашать. Однако Гото Соитиро в «Комментариях к рассказам из Тоно», вышедших почти через 100 лет после публикации произведения Янагиты, посвятил специальную словарную статью толкованию имени «семьи Кавабата» из 55-го рассказа: «В этой истории Кавабата вовсе не является родовым именем, это означает, как передают, что жилище расположено у реки. В широком смысле это можно считать намеком на место, пользующееся благосклонностью духа, на семью, избранную

божеством» [6, с. 189]. Можно видеть, что произошел окончательный переход от отрицательного восприятия «семьи Кавабата» к положительному.

ЧАСТЬ 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОГО ОБЫЧАЯ В ДЕРЕВНЕ ТОНО: ПОДРОБНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «ЛЬВИНОГО ТАНЦА»

3.1. «Львиный танец» без львов

«Львиному танцу» посвящена последняя глава «Рассказов из Тоно». В «Предисловии» Янагита указывает, что название «львиного танца», который он собственными глазами видел в Тоно, не совсем соответствует его содержанию: «“Львиный танец” — это “олений танец”»: к маскам прикреплены оленины рога, пять-шесть юношей, выхватив мечи, танцуют вместе, то издают высокие свистящие звуки, то поют низким голосом, разобрать слова трудно даже вблизи»³.

Представление «львиного танца», виденное автором в деревне Тоно (рис. 1), вполне соответствует описанию Янагиты Кунио.

Рис. 1. «Львиный танец» (фотография сделана в Тоно автором)

³ Автор использовал перевод Чжоу Цзожэня.

Действительно, вызывает удивление, что костюмы исполнителей танца, который называется «львиным», изображают оленей. Слова песен трудно разобрать, что в свое время отмечал и Янагита. Возможно, именно в связи с подобными сомнениями, уже завершив рукопись «Рассказов из Тоно», Янагита специально посетил выходца из этой деревни фольклориста Ино Канори и взял у него книгу «Записи о деяниях древности в Тоно» для дополнительных справок. В разделе «Обычаи» Янагита указывает: «Песни “львиного танца” деревни Тоно славятся с древности. Они имеют небольшие отличия, зависящие от деревни и от особенностей распространения. Те, что я слышал, приведены ниже. Они пришли из записей вековой давности». Под «записями вековой давности» здесь подразумеваются именно «Записи о деяниях древности в Тоно».

3.2. Первоначальный китайский облик «львиного танца»

В комментарии Янагиты Кунио к 119-му рассказу говорится: «Львиный танец не существовал в этих местах с древности — всем известно, что он появился в Средние века»⁴. Такой вывод сделан из текста «Записей о деяниях древности в Тоно». В книге дается детальное описание появления «львиного танца». Вкратце история такова: десятью годами ранее некто Какудзэ из деревни Комаки видел представление «львиного танца» в Киото, где оно привлекало множество людей. Это представление показалось ему очень интересным, и с этого времени он начал собирать деревенских молодых людей и учить их заимствованному в Киото «львиному танцу» [6, с. 262]. В книге говорится: «По виду голова оленя напоминает иноземного льва, только сверху вставлены рога» — и разъясняется, почему представление в деревне Тоно явно выглядит как «олений танец», но при этом называется «львиным танцем». Оказывается, этот танец является видоизменением представления, пришедшего из-за границы. Общеизвестно, что в Китае «львиный танец» имеет длительную историю, поэтому в данном случае под танцем «иноземных» львов, видимо, подразумевается именно китайский «львиный танец». Жители Тоно переняли оригинальное название «львиного танца», однако содержание его трансформировалось в «танец оленей», и, конечно, не без оснований. В горах в окрестностях Тоно олени появляются часто, а львов нет. В Тоно олень считается животным, обладающим чудесными свойствами, поэтому превращение львов из «львиного танца» в оленей для жителей Тоно представляется совершенно естественным и оправданным.

Кроме того, в записанных Янагитой словах сопровождающей «львиный танец» песни также можно заметить следы трансформации китайского «львиного танца» в японский «олений танец».

Янагита Кунио совершенно не понял на слух пение исполнителей танца в Тоно и просто перенес в «Рассказы из Тоно» соответствующие слова песни из «Записей о деяниях древности в Тоно». Гото Соитиро в «Комментариях к рас-

⁴ Автор использовал перевод Чжоу Цзожэня.

сказам из Тоно» также полагает, что не слишком образованные исполнители, не разобравшись толком в оригинальном смысле песни, видоизменили ее в соответствии с местным диалектом, и именно в такой форме она стала передаваться. Записанные исследователями слова песен, которые исполняются во время «львиного танца» в настоящее время, отличаются от приведенных в «Рассказах из Тоно».

Неопределенность песенных слов «львиного танца» в «Рассказах из Тоно» тесно связана с их трансформацией в процессе распространения. «Иноземные верования, пересаженные на поверхностный слой культуры, чтобы проникнуть в жизнь простого народа, на протяжении длительного времени неизбежно смешиваются с народными верованиями. Поэтому иноземные верования откладываются в некоторых религиозных элементах уже существующих народных верований, смешиваются с ними, закрепляются и передаются следующим поколениям» [8, с. 113]. После «пересадки» «львиного танца», широко представленного в китайском фольклоре, на «поверхностный слой культуры» за длительный период непрерывного взаимодействия с местными верованиями были выработаны новая устоявшаяся форма и специфический облик. В «Записях о деяниях древности в Тоно» зафиксирован промежуточный этап этого смешения, поэтому слова песни еще не упорядочены, китайский материал не полностью адаптирован к местным условиям. То, что недостаточно заметно в японском тексте, весьма отчетливо демонстрирует перевод на английский язык, сделанный Р. А. Морзе [9] (см. таб.).

Таблица. Сравнение оригинала и переводов
«Записей о деяниях древности в Тоно»

Строфа	Оригинал на японском языке	Перевод на английский язык	Перевод на русский язык
13. Место встречи с волной	おどにきこいしか のかるうめ	The famous Karu-ume of China	Знаменитая китайская слива
14. Песня перед колонной	から絵のびよぼ	The painted Chinese screens	Китайские расписные ширмы

«Знаменитая китайская слива» и «китайские расписные ширмы», разумеется, указывают на китайские растение и предмет. В японском тексте «Рассказов из Тоно» нет слова «китайский», но Р. А. Морзе намеренно добавил в перевод слова «China» и «Chinese», выражая таким образом свою точку зрения, что это специализированные термины, пришедшие из китайского языка. Кроме того, рядом с фразами «знаменитая китайская слива» и «китайские расписные ширмы» соседствует слово «столица». В английском переводе — *capital*, т. е. «столица государства». В соответствии с японским «Новым кратким словарем националь-

ного языка» слово «столица» в тексте Янагиты может иметь одно из двух значений: во-первых, оно может обозначать столицу государства, как и понял Морзе; во-вторых, исходя из смысла иероглифов, может подразумеваться китайский «столичный город», а также возможно метафорическое указание на культурный центр тогдашней Восточной Азии — Китай [10, с. 293].

С другой стороны, в словах песни уже появляются японские географические названия, записанные китайскими иероглифами (杉原七里, 松島), а также названия местных деревьев, записанные *хираганой* (ひのき, さわら). Можно заметить, что идет процесс адаптации происходящего родом из Китая «львиного танца» к местным условиям, уже появляются характерные черты «оленьего танца». В 14-й строфе — «Песне перед столбами» — появляется олень как персонаж, а в 15-й — «Танце борьбы оленей-самцов за самку» — уже живо и образно излагается его история.

Переводчик английского издания «Рассказов из Тоно» (см. рис. 2) Р. А. Морзе в предисловии достаточно верно переводит фразу Янагиты «львиный танец — это олений танец»: «The dance in process, which they called a lion dance, was actually a dance of the deer». В то же время в 119-м рассказе он прямо переводит название «львиный танец», записанное в японском тексте китайскими иероглифами, как «олений танец» — *dance of the deer*. Возможно, он не до конца разобрался в причинно-следственных характеристиках данного этапа трансформации «львиного танца» в «олений», а потому не принял во внимание затруднения и колебания Янагиты в отношении двух наименований — «львиный танец» и «олений танец».

Янагита Кунио сохранил в «Рассказах из Тоно» первоначальное наименование «львиного танца», а в комментарии указал, что «львиный танец не существовал в этих местах с древности — всем известно, что он появился в Средние века». Тем не менее в самом тексте рассказа он упомянул, что «песни “львиного танца” в районе Тоно славятся с давних времен», что может легко создать ошибочное представление, будто «львиный танец» является именно местным атрибутом.

В настоящее время жители Тоно также взяли за написание своих собственных «Рассказов из Тоно». Однако при описании истоков «львино-

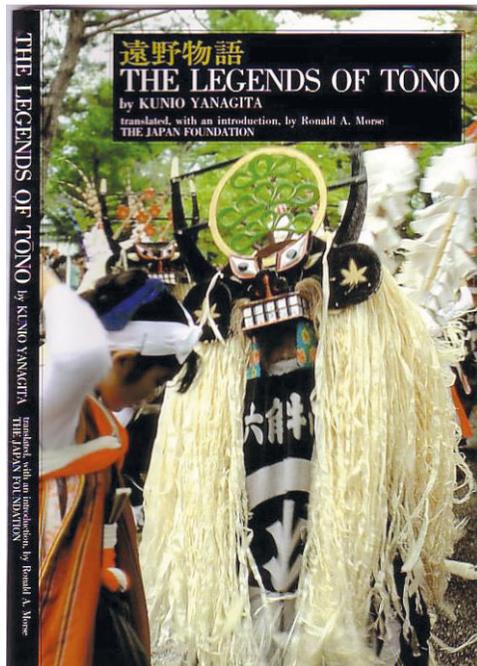

Рис. 2. Изображение «львиного танца» на обложке английского издания «Рассказов из Тоно» (предоставлено автором статьи)

Рис. 3. Изображение «львиного танца» на обложке книги «Удивительные сведения о Тоно» (предоставлено автором статьи)

го танца» никто не задается вопросом, каким был его первоначальный облик, и не обращает внимания на такую деталь, как замена головы льва в костюме на голову оленя⁵. Изображение танцующего «льва» с головой оленя украшает обложку составленного самими жителями Тоно сборника «Удивительные сведения о Тоно» (рис. 3). Вероятно, люди не задумываются о том, что представление под названием «львиный танец» должно иметь какое-то отношение ко львам, и тем более не интересуются тем, что на другом берегу моря, в Китае, тоже есть «львиный танец», причем исполняют его именно «львы», а не «олени». В свое время Янагита Кунио напомнил людям о тех следах китайской культуры, которые сохранились в народном обычае Тоно — «львином танце». Однако, как выяснилось впоследствии, об этом «вспомнили, чтобы забыть».

Литература

1. 赤坂憲雄. 柳田国男の読み方 赤坂宪雄. 阅读柳田国男的方法. 东京, 筑摩书房. 1994年. [Норио Акасака. Как нужно читать Янагиту Кунио. Токио: Тикума сёбо, 1994.] (На яп. яз.)
2. 周作人文类编・日本管窥. 钟叔河编. 湖南文艺出版社. 1998年. [Чжоу Цзюжэнь. Взгляд на Японию (тематическая подборка). Сост. Чжун Шухэ. Чанша: Хунань вэньи чубаньшэ, 1998.] (На кит. яз.)
3. 後藤総一郎. 監修. 遠野物語 (口語訳) 東京: 河出書房新社. 2000年. [Рассказы из Тоно (издание на разговорном языке) / Гото Соитиро (ред). Токио: Кавадэ сёбо: синся, 2000.] (На яп. яз.)
4. 野村纯一等编. 柳田国男事典 野村纯一等编. 柳田国男事典. 東京: 勉誠出版. 1998年. [Словарь Янагиты Кунио / Номура Юнити (ред). Токио: Бэнсэй, 1998]. (На яп. яз.)
5. 岩本由輝在《远野的河童》// 民話手帖. 第19号. 1984年 [Ивамато Ёситэру. Каппы из Тоно // Минва техо. 1984. № 19.] (На яп. яз.)

⁵ В последнем из опубликованных сборников фольклорных сказаний из Тоно «Удивительные сведения из Тоно» есть рассказ об истоках «львиного танца», однако вопрос о том, каким образом лев превратился в оленя, не поднимается.

6. 后藤总一郎.注釋 远野物語 後藤総一郎.注釋 遠野物語//東京: 筑摩書坊. 1997年. [*Goto Soumeiro*. Комментарии к рассказам из Тono. Токио: Тикума сёбо, 1997.] (На яп. яз.)
7. *Hojkan Ruzan*. 馬の伝説に関する民俗比較研究 //国語研究 .2003年 . 41頁 [Ходжикян Р. Сравнительное этнологическое исследование преданий о лошадях. // Кокуго кенкю, 2003. С. 41.] (На яп. яз.)
8. 尾藤正英. 中国文化叢書 10 日本文化と中国.東京: 大修館書店.1968年. [*Oto Masahi*. Серия «Китайская культура». Т.10. Японская культура и Китай. Токио: Тайсёкан, 1968.] (На яп. яз.)
9. *Morse R. A. The Legends of Tāno by Kunio Yanagita*. Japan Foundation, 1975.
10. 新选国語辞典.東京: 小学館. 2000年. [Новый краткий словарь национального языка. Токио: Сёгакукан, 2000]. (На яп. яз.)

References

1. Norio Akasaka. *The Way to Read Kunio Yanagida*. Tokyo, Tsukuma Shubo, 1994. (In Japanese)
2. Zhou Zuoren. *Humanities Compilation — A Glimpse of Japan / Compiled by Zhong Shuhe*. Changsha, Hunan Literature and Art Publishing House, 1998. (In Chinese)
3. *Tono Monogatari (Spoken version) / ed. by Soichiro Goto*. Tokyo, Kawade Shobo Shinsha, 2000. (In Japanese)
4. *Yanagida Kuno's Anniversary / ed. by Nomura Junichi*. Tokyo, Bensei Publishing, 1998. (In Japanese)
5. Iwamoto Yositeru. Kappas from Tono. *Folktale Manuscript*. 1984. No. 19. (In Japanese)
6. Soichiro Goto. *Notes on Tono Monogatari*. Tokyo, Chikuma Shobo, 1997. (In Japanese)
7. Hojkan Ruzan. A Comparative Folklore Study on Horse Legends. *Kokugo kenkyuu*. 2003. (In Japanese)
8. Masahi Oto. Chinese Culture Series. Volume 10 Japanese Culture and China. Tokyo, Taishokan Bookstore, 1968. (In Japanese)
9. Morse R. A. *The Legends of Tāno by Kunio Yanagita*. Japan Foundation, 1975.
10. *Newly selected Mandarin Dictionary*. Tokyo, Shogakukan, 2000. (In Japanese)